

265 б

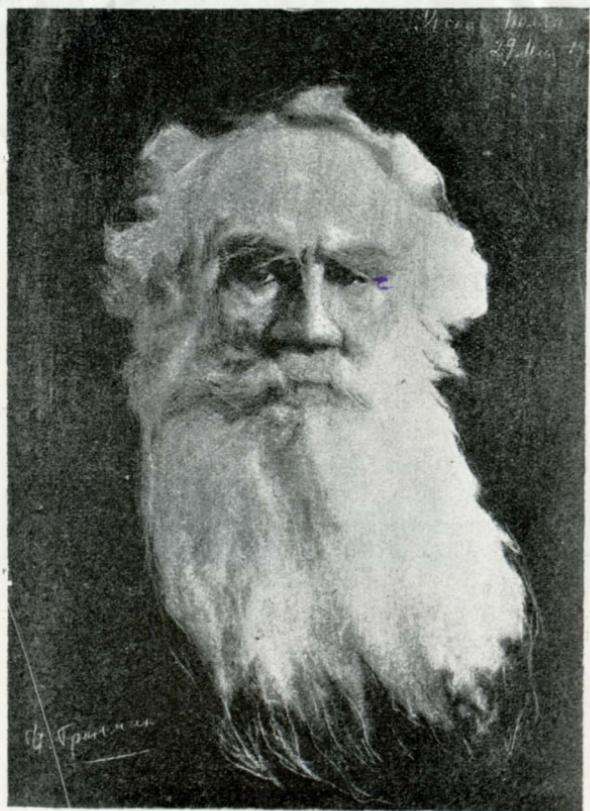
У ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

(Изъ дневника художника И. Гринмана)

Съ портретомъ Л. Н. Толстого.

Раб. худож. И. Гринмана.

Типографія Товарищества
„НАУКА и ЖИЗНЬ“
1910.

Левъ Николаевичъ Толстой
съ портр. худ. И. Гринмана.

АИ НАУКОВИЙ АРХІВ
ОТОГОЛОГ

(ЗМІСТ) ВІД ГУМАНОДІК ІНСТИТУТУ АН ССР

ОТОГОЛОГ НІАН ГУМАНОЛОГІЧНОГО
ІНСТИТУТУ АН ССР

ІНСТИТУТ ГУМАНОЛОГІЧНОГО
АН ССР

№ 2650

документ
нати.

265-б

УЧЕБА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

(Изъ дневника художника И. Гринмана)

Съ портретомъ Л. Н. Толстого.

Раб. худож. И. Гринмана.

Типографія Товарищества
"НАУКА и ЖИЗНЬ"
1910.

95 $\frac{1}{4}$ 452

У ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

(Изъ дневника художника И. Гринмана)

Съ портретомъ Л. Н. Толстого.

Раб. худ. И. Гринмана.

Типографія Товарищества
„НАУКА и ЖИЗНЬ“
1910.

У Льва Николаевича Толстого.

Послѣднія событія обѣ уходѣ Льва Николаевича Толстого изъ „Ясной Поляны“ и столь трагическая, прекрасная смерть на заброшенной станціи «Астапово» живо воскресили въ моей памяти 1908 годъ, когда я въ качествѣ художника долженъ былъ заглянуть въ «Ясную Поляну», чтобы посмотретьъ на великаго писателя и запечатлѣть въ своей памяти, нѣсколькими штрихами, дорогой образъ великаго художника.

Мнѣ необходимо было написать портретъ Толстого для Литературно-Художественного Кружка, почетнымъ членомъ которого состоялъ Левъ Николаевичъ.

О своемъ желаніи пріѣхать въ «Ясную Поляну» я написалъ Льву Николаевичу, гдѣ просилъ его попозировать сеанса два, три. Я писалъ о томъ, что оригиналный портретъ его желаетъ имѣть одно почтенное общество и что безъ натуры, только пользуясь фотографіями, немыслимо сдѣлать, мало мальски, художественную вещь. Словомъ, я убѣдительно просялъ снизойти къ моей просьбѣ.

Я ждалъ отвѣта.

Спустя нѣкоторое время я получилъ давно желанный конвертъ.

Писала графиня Софья Андреевна.

Писала она о томъ, что Левъ Николаевичъ проситъ отклонить мой пріѣздъ для портрета.

«Левъ Николаевичъ старъ, писала графиня, «ему необходимо полное уединеніе, ему трудно будетъ позироваться, онъ очень занятъ и много работаетъ...»

Простите, если я огорчаю васть этимъ отказомъ».

Всѣ мои надежды рухнули...

Прощай, портретъ, прощай, Ясная Поляна!

Не увижу я Льва Николаевича. Не увижу никогда! я бредилъ, какъ во снѣ.

Съ тоски я уѣхалъ на Волгу и исколесилъ ее вдоль и поперекъ. Часто, стоя на палубѣ парохода, я думалъ: а вдругъ Левъ Николаевичъ не знаетъ о моемъ письмѣ? Неужели онъ самъ успѣваетъ просматривать огромную корреспонденцію, получаемую въ «Ясной Полянѣ» со всего свѣта. Я слыхалъ гдѣ-то, что въ «Ясной Полянѣ» „ведется строгій контроль“ и не всегда охотно допускаются ко Льву Николаевичу. Какъ-то не вѣрилось этому.

Огромное паломничество въ «Ясную Поляну», куда стекались почитатели и поклонники великаго писателя, гдѣ всякий находилъ отвѣтъ на волнующіе вопросы, заставляли меня думать, что ворота „великой обители“ открыты настежъ для всѣхъ желающихъ поступаться въ домъ Льва Николаевича Толстого.

Вся моя походная библіотечка состояла изъ произведеній Толстого.

Закрывшись въ своей каютѣ на пароходѣ, я цѣлыми ночами перечитывалъ томъ за томомъ

и въ моемъ воображеніи создавался образъ великаго писателя, котораго я никогда не видѣлъ, кромѣ фотографій, которыя, между прочимъ, мало удовлетворяютъ индивидуальности сходства. Вотъ почему въ моей душѣ создавался портретъ Толстого, по своему, по «Аннѣ Карениной», «Войнѣ и Мирѣ», «Крейцеровой Сонатѣ», «Воскресенію» и тѣмъ произведеніямъ, которыя долго были въ изгнаніи у насъ въ Россіи...

Надо было поѣхать, хотя-бы, взглянуть на великаго писателя и я, недолго думая, изъ Нижняго-Новгорода написалъ второе письмо по адресу графини Толстой, извиняясь и предупреждая ее, что пріѣду только взглянуть на Льва Николаевича.

Вслѣдъ за письмомъ, черезъ нѣсколько дней, выѣхалъ я изъ Нижняго въ Москву, а потомъ на Тулу, въ „Ясную Поляну“.

Ночь не смыкалъ глазъ, все ждалъ послѣдней станціи „Козловка“.

— Засѣка—Козловка! воскликнулъ кондукторъ.

Схвативъ свой чемоданъ, я очутился на незнакомой мнѣ станціи, столь близкой моему сердцу и моимъ желаніямъ...

Было 6 часовъ утра, 29 мая.

Ко мнѣ подошелъ станціонный сторожъ.

— Куда изволите, баринъ?

— Далеко-ли до «Ясной Поляны»?—спросилъ я.

— Вотъ здѣсь, недалеко,—указалъ онъ рукой чрезъ полотно желѣзной дороги. Верстъ пять—шесть, не больше.

— А какъ, лошадь достать здѣсь можно?,—спросилъ я у сторожа.

— Достать-то можно, да малость, часика полтора, подождать придется. Вотъ, передъ вами барышню отвозили, жаль, опоздали, а то вмѣстѣ-бы и поѣхали.

Оставивъ свой баѣжъ у сторожа и захвативъ альбомъ и карманный ящичекъ съ пастелями (сухія краски), я рѣшилъ двинуться въ путь пѣшкомъ. Погода, правда, не располагала къ подобной прогулкѣ: была грязь и день обѣщалъ быть сѣренѣкимъ и скучнымъ.

Передъ самymъ уходомъ со станціи въ «Ясную Поляну», сторожъ рассказалъ мнѣ, что позавчера прїѣжалъ на станцію, верхомъ на лошади, изъ «Ясной Поляны» графъ Толстой.

— Хорошій баринъ,—сказалъ онъ, такихъ не сыщешь больше... святой...

Я перешагнулъ черезъ полотно желѣзной дороги и послѣднія слова сторожа были заглушены свистомъ и шумомъ подходившаго къ станціи маневрирующаго паровоза.

Я попалъ на протоптанную дорогу и думалъ: сколько народу и знатного, и незнатного проѣхало и прошло по этой самой дорогѣ въ усадьбу великаго мыслителя?

Поднявшись на небольшой бугорокъ, я вышелъ на дорожку и вдоль небольшого пролѣска зашагалъ какъ по знакомой дорогѣ.

Четверть часа ходьбы и станція «Засѣка», оставшаяся позади, исчезла изъ вида. Я окинулъ взоромъ

мѣсто, гдѣ часто совершаєтъ прогулки авторъ „Кавказскаго плѣнника“. Особенно, съ дѣтства, врѣзался въ память этотъ разсказъ, гдѣ такъ тепло и сердечно описаны Жилинъ и Костылинъ.

Сколько времени ушло съ тѣхъ поръ... цѣлая вѣчность...

Думалось мнѣ дальше:

Вотъ скоро, черезъ три мѣсяца, „Яснополянскому отшельнику“ станетъ 80 лѣтъ. Весь міръ собирается его чествовать, а „Отшельникъ“ тихо скажетъ:

— Не нужно, не нужно, ни кому это не нужно!

Восемьдесятъ лѣтъ!

«...Онъ много работаетъ, ему необходимо уединеніе», вспомнилъ я письмо графини.

Онъ пишетъ теперь разсказы и хрестоматію для дѣтишекъ, маленькихъ, славныхъ, милыхъ дѣтишекъ!..

Такъ шелъ я и разговаривалъ съ травой, разстилавшейся подъ ногами, съ молодыми деревьями, которыхъ ласково и нѣжно убаюкивалъ и слабо колыхалъ вѣтерокъ.

Велика природа, велики и прекрасны люди!

Вотъ шагаетъ впереди какой-то человѣкъ.

Онъ въ длинныхъ сапогахъ, на головѣ у него форменная фуражка съ зеленымъ околышкомъ. Я догоняю его.

Разговорились.

— Да, Левъ Николаевичъ сейчасъ въ «Ясной Полянѣ»—сказалъ онъ.

— Много-ли ходьбы еще?—спрашивала у него.

— Немного. Вотъ сейчасъ, за той пашней.

Мы идемъ вмѣстѣ. Онъ мѣстный лѣсничій.

На пути попадается мостикъ. На немъ стоять нѣсколько ребятишекъ и взрослый парень.

Спрашиваю, какъ идти дальше.

Парень указываетъ рукой и предлагаетъ проводить до самой усадьбы.

Я отказываюсь, бросаю ребятишкамъ нѣсколько монетъ, они радостно смеются. Парень отъ денегъ отказывается.

— Не за что—говорить.

Ребятишки показываютъ мнѣ небольшой клочекъ вспаханной земли и важно заявляютъ:

— Графъ самъ вспахаль!

Лица у нихъ серьезныя, какъ у взрослыхъ. Одинъ изъ нихъ вытаскиваетъ изъ за пазухи книжонку, показываетъ ее мнѣ и добавляетъ:

— Самъ Графъ подарилъ!..

Читаю: «Два старика».

Опять воспоминанія дѣтства, далекаго, милаго дѣтства и на душѣ становится, точно тамъ, гдѣ-то внутри, на струнахъ играютъ.

Скоро и усадьба. Неясно промелькнули два кирпичныхъ столба и на поворотѣ дороги опять скрылись. Опять какой-то прохожій. Идемъ, бесѣдуемъ. Онъ держитъ путь также въ усадьбу. Это человѣкъ изъ какого то «братства». Идетъ онъ на совѣтъ къ графу Толстому. Въ котомкѣ у него письмо къ секретарю Льва Николаевича.

Дальше разсказываетъ онъ, что собралась ихъ кучка людей, одно у нихъ у всѣхъ хозяйство. Не тор-

гуютъ, не пьютъ и денегъ ни у кого нѣтъ, а умудряются жить такъ, что никому не обидно. Одинъ сапоги шьетъ, другой лапти плететъ, третій землю пашетъ, кто картофель садитъ, кто хлѣбъ съетъ, одни воскъ топятъ, кто бревна строгаетъ и все у нихъ есть и всѣ они сыты, одѣты и обуты, и дѣти грамотѣ учатся. Нѣтъ у нихъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, а денегъ совсѣмъ ни у кого ни копейки. Они имъ и не нужны.

— А если по желѣзной дорогѣ поѣхать? спросилъ я, какъ же безъ денегъ?

— А мы пѣшкомъ ходимъ.

— А харчи какъ же въ дорогѣ?

— А вотъ! указалъ онъ, и изъ котомки глянули на меня огурцы, хлѣбъ, сухари, — «а водицы всякой дастъ испить» сказалъ онъ, «ее вонъ сколько на свѣтѣ».

— Мои вопросы разбивались о непримирую логику этого человѣка и я чувствовалъ, что при такихъ условіяхъ онъ дѣйствительно можетъ великолѣпно прожить безъ гроша на свѣтѣ.

— А вы кто будете? спросилъ онъ.

— Художникъ, сказалъ я.

— Что картины пишутъ?

— Такъ, сказалъ я.

Мы подошли къ воротамъ усадьбы.

Было 8 часовъ утра.

Я входилъ въ ворота и думалъ:

— Какое счастье выпадаетъ на мою долю увидѣть обитель такого геніального человѣка. Я былъ совершенно спокоенъ и, вопреки всякимъ слухамъ, что у

многихъ языкъ отнимается при видѣ Толстого, какъ то даже не вѣрилъ въ это и мирно, не спѣша подвигался къ главному дому, правда, немногого голодный, но бодрый и жизнерадостный.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣлага двухъ-этажнаго дома, по правую сторону отъ аллеи, ведущей къ дому, раскинулись парники. Здѣсь возился садовникъ, поливая цвѣты. Я подошелъ, спросилъ у него воды и смыслъ грязь съ сапогъ. Въ графскомъ домѣ всѣ еще почивали. Мимо меня прошли два здоровыхъ молодца, въ сажень каждый ростомъ, и несли подъ руками здоровенные, круглые, красивыя, бѣлые булки.

— Кто это?—спросилъ я садовника

— Это наши стражники,—сказалъ онъ на ломаномъ рускомъ языкѣ.

— Зачѣмъ-же они здѣсь?

— Охраняютъ наше имѣніе, —отвѣтилъ онъ обыкновеннымъ голосомъ, словно ничего не случилось.

Я отошелъ въ сторону и присѣлъ въ саду на скамью. Противъ скамьи устроены были гимнастическая упражненія. Между деревьями въ саду мелькали то здѣсь, то тамъ сѣтчатые гамаки. Благоустройство вездѣ образцовое. Постройки вездѣ чудесныя, крѣпкія, дорожки посыпаны желтымъ пескомъ, а противъ главнаго дома раскинулось великолѣпное дерево, къ которому прислонена была большая скамья. На скамью сидѣли нѣсколько мужиковъ. Очевидно, тоже ждали. Человѣкъ изъ братства о чемъ-то съ ними бесѣдовалъ... Время тянулось медленно. Проходили какія-то бабы съ ведрами, очевидно, подоивъ коровъ

и исчезали: то на кухню, которая отдельнымъ флигелемъ примыкала къ главному дому, то въ сараи, то въ какія-то другія строенія. Жизнь постепенно просыпалась...

Изъ дверей кухни выглянулъ поваръ въ бѣлонѣжномъ фартукѣ и колпакѣ.

Изъ дверей главнаго дома вышелъ молодой парень съ блестящими пуговицами и прошелъ на кухню. На террасѣ показался какой-то человѣкъ, худощавый, съ неуклюжими движеніями и посмотрѣлъ на меня, медленно гуляющаго по аллеѣ Яснополяннаго сада. Я подошелъ къ нему и мы поздоровались. Онъ узналъ мою фамилію и сказалъ свою. Это былъ секретарь Льва Николаевича. Я освѣдомился, получили ли графиня Софья Андреевна мое послѣднее письмо и когда можно увидѣть графиню или графа Льва Николаевича.

Новый знакомый передалъ мнѣ, что письмо мое получено и что графъ и графиня еще не встали, и раньше 12-ти пріема не будетъ. Я рѣшилъ немногого побродить въ саду.

Такъ прошло довольно долго.

Приблизился завѣтный часъ.

Въ усадьбу вошла женщина съ дѣвочкой лѣтъ 12-ти. Съ первого взгляда она производила удручающее впечатлѣніе. Сѣдая, лѣтъ 50-ти, нѣсколько сгорбленная, съ измученнымъ худымъ лицомъ и живыми сѣрыми глазами. На головѣ у нея былъ ветхій платокъ а черное платье было уже потрепанно и страшно испачкано грязью. Слѣды вѣвшейся пыли, промо-

ченной дождемъ ясно свидѣтельствовали о томъ, что она не одну сотню верстъ прошла пѣшкомъ. Башмаки ея изодраны такъ же, какъ у ея дѣвочки, а у послѣдней тѣ же признаки голода, страданія и нищеты.

Женщина поджидала графиню Толстую.

Дѣвочка бѣгала и рѣзвилась, ловя бабочекъ. Ребенокъ среди здоровой обстановки, зелени и цвѣтовъ воспрянулъ, какъ угасающей мотылекъ.

Наконецъ, графиня Толстая показалась на террасѣ.

Женщина подошла къ ней.

Между ними произошелъ какой то разговоръ.

Графиня замахала руками и крикнула:

— Отстаньте, не могу, не могу!..

Старушка указала на дѣвочку.

— Сказала я, что не могу, не приставайте,—чуть-ли не крича волновалась графиня.

— У меня здѣсь не богадѣльня!

Изъ схваченныхъ налету нѣсколькихъ словъ я понялъ что старуха-мать просила графиню пристроить дѣвочку въ усадьбѣ ходить хотя бы за коровами, ибо сама она идетъ склонить свою старую голову въ пріютъ, а дѣвочку дѣвать некуда.

Графиня все повторяла: «отстаньте, уходите здѣсь не богадѣльня, въ Москвѣ можетъ быть пристроили-бы». Я видѣлъ, какъ двѣ осиротѣлые, фигуры, угнетенные, забитыя, голодныя, съ низко опущенными головами молча направлялись къ воротамъ усадьбы...

Я всталъ со скамьи и побѣжалъ вглубь садика...

Сердце мое обливалось кровью.. .

Когда я возвратился, ко мнѣ подошелъ тотъ са-
мый лакей, котораго я видѣлъ утромъ въ кителѣ съ
пуговицами и спросилъ:

- Кому прикажите доложить, графинѣ или графу?
- На рукахъ у него были бѣлые нитяныя перчатки.
- Доложите кому хотите,—сказалъ я.
- Кому прикажите доложить?—повторилъ онъ.
- Графинѣ—сказалъ я.

Черезъ нѣсколько минутъ лакей проводилъ меня на террасу и сказалъ:

- Сю минуту ихъ Сіятельство выйдутъ.

Графиня вошла быстрыми шагами, бодрая, энер-
гичная и громкимъ голосомъ проговорила:

— Я же вамъ писала, что Левъ Николаевичъ пози-
ровать не будетъ, чего-же вы пріѣхали? Садитесь,
пожалуйста.

— Графиня, я беспокоить васъ не намѣренъ. Я послалъ вамъ второе письмо, гдѣ писалъ, что мнѣ необходимо взглянуть на Льва Николаевича и только.

— Да, но представьте, онъ боленъ, никого не при-
нимаетъ и самъ не выходитъ, онъ въ постели ...

- О, тогда простите, тысячу разъ простите.

Мнѣ сдѣлалось неловко.

— Вы знаете,—сказала она, вы еще молодой худож-
никъ; какъ рискованно писать портретъ когда чело-
вѣкъ совсѣмъ не можетъ позировать. Вотъ пріѣзжалъ
недавно вашъ профессоръ Рѣпинъ, близкій знакомый
Льва Николаевича и онъ ему тоже не могъ позиро-
вать. И тотъ портретъ, гдѣ мы вдвоемъ со Львомъ

Николаевичемъ сидимъ за столомъ, вышелъ не совсѣмъ удачнымъ. А почему? Потому, что Левъ Николаевичъ плохо позировалъ. Почти совсѣмъ не позировалъ. Рѣпинъ писалъ его почти съ непозириующаго.

Графиню кто-то позвалъ. Я остался одинъ.

-- Уйти, что-ли, отсюда?

Не успѣль я подумать, какъ на террасу вошла молодая женщина, блондинка съ голубыми глазами.

Она подошла и спросила:

-- Что вамъ угодно?

Я поклонился и сказалъ, что хотѣль взглянуть на Льва Николаевича.

— Онъ васъ не приметъ, сказала она сухо и въ упоръ посмотрѣла на меня.

— Да, конечно, онъ боленъ, мнѣ самому неловко, извините,—пробормоталъ я.

— Боленъ или не боленъ—все равно вы его не увидите!

Я не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Почему?

— Что, мы будемъ всѣмъ объяснять?

— Простите, сказалъ я,—и въ моемъ голосѣ почувствовалось раздраженіе,—я не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Вы дочь Льва Николаевича?

Это все равно, кто я,—довольно сердито проговорила она.

— Я удивляюсь, прибавила она, всѣ обращаются къ намъ: однимъ отдан землю, другимъ деньги, третьимъ сочиненія, четвертымъ позирай!!.

— Простите, сударыня, я не знаю, къ чему ведеть вашъ разговоръ. Ни земли, ни денегъ мнѣ не нужно. Мнѣ нужно было взглянуть на Льва Николаевича, что бы написать его портретъ. Я не предполагалъ, что у васъ учрежденъ такой строгій контроль. Я не думаю, чтобы Левъ Николаевичъ былъ доволенъ такой ужасной опекой. Я хотѣлъ бы васъ предупредить, сударыня, извиняясь еще разъ, что не имѣю чести васъ знать, что передъ вами человѣкъ не съ улицы, а художникъ.—Я потерялъ равновѣсіе и говорилъ въ большомъ волненіи. Голосъ у меня дрожалъ и переходилъ въ крикъ.

— Я не буду спорить съ Вами, продолжалъ я, но на «Ясную Поляну» устремлены взоры всего міра. Здѣсь центръ, здѣсь гордость всей страны.

Отсюда диктуются всему человѣчеству слова „любви, мира и справедливости“. Великій писатель принадлежитъ народу, человѣчеству, всему свѣту... если народъ не забываетъ того, чими духовными соками онъ питается, то слава этому народу, слава!

Черезъ минуту я остался одинъ. Руки у меня тряслись, я давно не былъ такъ возбужденъ, никогда не чувствовалъ такого одиночества, какъ въ переживающій моментъ.

Я поднялся, чтобы уйти... Я еле пришелъ въ себя...

Но тутъ произошло нѣчто необычайное...

Крестьяне сорвались со скамьи, которая находилась противъ дома, у малой террасы и бросились на колѣни.

Спустившись въ садъ, я взглянулъ на малую террасу и сердце мое судорожно сжалось:

На террасѣ стоялъ Левъ Николаевичъ!

— Встаньте, братцы, встаньте, что вы, что вы,— проговорилъ Левъ Николаевичъ и тихимъ голосомъ сталъ говорить мужикамъ, что не слѣдуетъ такъ поступать человѣку передъ человѣкомъ.

Въ рукахъ Левъ Николаевичъ держалъ пачку трехрублевыхъ кредитокъ.

Впервые увидѣлъ я тогда знаменитаго писателя.

Я представлялъ себѣ Льва Николаевича богатырскаго тѣлосложенія, бодраго, сильнаго, но вмѣсто этого увидѣлъ человѣка средняго роста, худого и измученнаго. Характерная голова далеко ушла въ плечи и была наклонена слегка внизъ. Желтовато-сѣдая борода въ беспорядкѣ развивалась отъ легкаго вѣтра, а непослушныя пряди волосъ, мѣстами бѣлыхъ, мѣстами серебристо-сѣрыхъ обрамляли блѣдновато-желтое лицо.

Изъ подъ бровей глядѣли тусклые сѣровато-голубые глаза, только изрѣдка зажигавшіеся блескомъ.

Внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «подожди, останься»...

Левъ Николаевичъ продолжалъ говорить съ мужиками, раздавалъ имъ деньги, спорилъ съ ними, соглашался, говорилъ о трудѣ, о душѣ, о Богѣ, и часто, закрывая глаза, словно самому себѣ заглядывая въ душу, снова открывалъ ихъ и на слушателей глядѣли глубоко сидящіе въ орбитахъ мягкие, сѣрые, временами страдальческіе, прекрасные глаза. И какъ

то странно загадочно обрисовывались нѣсколько сутуловатыя плечи, довершая въ какомъ-то невыразимо экспрессивномъ движеніи свое одиночество, свою тоску, свою слабость.

Этого момента я не забуду никогда.

Я открылъ свой альбомъ и на плотной, сѣйкой бумагѣ сталъ набрасывать то, что мучило меня, трогало, волновало...

Я забылъ про Академію Художествъ, про учителей, которые заставляли нась грамотно рисовать и открывая листъ за листомъ, мазалъ и думалъ:

— Скоро-ли уйдетъ мой великий натуралистъ? Чрезъ нѣкоторое время характерная голова великаго писателя была зарисована въ нѣсколькихъ поворотахъ и кое гдѣ тронута пастелью.

Довольно. Я захлопнуль альбомъ и подумалъ: Подойти къ Льву Николаевичу, поговорить съ нимъ, въ ту минуту я могъ многое сказать, а другой голосъ сверлилъ: не нужно, не прибавляй лишнихъ страданій въ чашу жизни этого человѣка.

Неужели этотъ титанъ, этотъ мудрецъ, этотъ тонкій геніальный художникъ не видитъ, не чувствуетъ той тяжести, которая лежитъ на его старыхъ плечахъ?

Тяжелое, гнетущее состояніе я испытывалъ, бродивши по окрестностямъ «Ясной Поляны», направляясь обратно на станцію «Засѣка» со своимъ альбомомъ, кровью и слезами добытыхъ мною набросковъ.

Два года прошло съ тѣхъ поръ, два года сом-

нѣй. Я рѣдко кому разсказывалъ о своихъ впечат-
лѣніяхъ въ Тульской губерніи.

Не всякий повѣрилъ-бы этому.

Когда первая вѣсть разнеслась по всему міру, что Левъ Николаевичъ покинулъ „Ясную Поляну“, у многихъ вырвался крикъ изумленія.

Я вспомнилъ свое паломничество, глубоко стра-
дающую фи́гуру одинокаго мыслителя, затеряннаго
среди близкихъ ему по крови, но *чуждыхъ по духу*
людей.

— Такъ и должно было быть! Слава Богу! Сомнѣнія разсѣялись, какъ дымъ. Снова явилась вѣра..... Великій учитель, великий художникъ будетъ вѣчно жить въ нашей памяти.

